

Ник. Бережанский.

„Ревизор“ Кувшинного Рыла.

Мяг не смѣшно, когда маляръ презрѣнный
Мяг пачкаетъ Мадонну Рафаэля.

А. Пушкинъ.

За три мѣсяца до 75-лѣтняго юбилея великаго русскаго писателя въ Москвѣ произошло дѣло, пожалуй, еще болѣе возмутительное, нежели недавнее напумкѣнное чубаровское дѣло. Тамъ хоть виновные повесили суровое наказаніе, а здѣсь пороки были уфнчаны и награждены.

На сценѣ «перваго революціоннаго театра Сов. Россіи», театра имени Вс. Мейерхольда «заслуженнымъ артистомъ СССР» Мейерхольдомъ же, на ярко освѣщенной сценѣ и на глазахъ сотенъ людей было по-чубаровски совершенно надругательство (и совершается ежевечерне) надъ «Ревизоромъ» Гоголя, русскаго гевія, классика, попавшаго въ положеніе «безпризорнаго» автора.

Вокругъ этого сквернаго дѣла въ Москвѣ, конечно, разгорѣлся жестокий споръ, горячіе брызги котораго долетаютъ и до насъ со страницъ общей и специальной совѣтской печати.

Чѣмъ было вызвано насиліе надъ Гоголемъ и какова дѣйствительная подоплека насилія, мы не знаемъ. Можно только догадываться, что новое чубаровское дѣйство, на этотъ разъ на сценѣ, было вызвано очевиднымъ желаніемъ Мейерхольда поддержать пошатнувшуюся было репутацию самаго революціоннаго дѣятеля сов. искусства, т. е. за послѣднее время въ этой революціонности Мейерхольда усомнились чекисты лѣвой театральной критики, а съ ними юбѣсть и всемогущій Демьянъ Бѣдный.

Что это можетъ быть такъ и было, можно судить по тому, что въ полемикѣ вокругъ «Ревизора» Луначарскій рѣшительно всталъ на защиту Мейерхольда, какъ «революціонера» и еще разъ подтвердилъ право Мейерхольда на званіе «истиннаго борца за подлинный совѣтскій театръ противъ театра буржуазнаго».

Что же сдѣлалъ Мейерхольдъ съ «Ревизоромъ» и въ какой мѣрѣ Гоголь пошелъ Мейерхольду на потребу.

«Новой интерпретаціей «Ревизора» Мейерхольдъ, — завѣряетъ Луначарскій, — показавъ «разложеніе и смерть николаевскаго режима», жестоко высмѣялъ «свинья рыла» дѣятелей николаевской эпохи, дакъ Гоголя, «созвучнаго нашей эпохѣ» и «вынесъ театръ на улицу». Высокоавторитетный въ тонкихъ вопросахъ искусства бывший вѣхмистръ Буденный, несомнѣнно по чужой шпартгалкѣ, также всемилоостивѣйше похлопалъ Мейерхольда по плечу, изрекли, что Мейерхольдъ «гениально раскрылъ социальную сторону безсмертной комедіи».

Такимъ образомъ, поводъ къ надругательству, какъ видите, былъ не Богъ уже вѣсть, какой важный, потому что доказать «развалъ

и смерть николаевскаго режима» и высмѣять «свинья рыла» можно было и безъ подражанія чубаровнаму и безъ «ревиизіи» «Ревизора», — какъ квалифицируетъ насильническія дѣйствія Мейерхольда надъ Гоголемъ А. Кугель, пріятнымъ баритономъ вторащій Луначарскому.

Посмотрите, что потребовалось Мейерхольду, чтобы показать «Ревизора» «своякъ прямику ощущенія совѣтскаго гражданина» и дать «Ревизора» отраженнаго въ сложной поверхности зеркала пролетарскаго сознанія»

Мейерхольдъ не нашелъ въ безсмертной комедіи великаго русскаго классика буквально ничего, что было бы «современно нашей эпохѣ» и достойно постановки Мейерхольдомъ. «Свою рукопись читалъ и содержанія одной не одобрилъ», — какъ писалъ тургеневскій Чубатуринъ.

Не одобриши подлиннаго «Ревизора», Мейерхольдъ сдѣлалъ все «совсѣмъ наоборотъ». Онъ раскопалъ старую корзину Гоголя и извлекъ изъ нея забракованные авторомъ варианты «Ревизора», не потому, что они автору казались слабыми черновиками, а потому, что они — «работа николаевской цензуры» и они «шокировали чопорную публику петербург-

скихъ чиновниковъ», затѣмъ взялъ выдержки изъ «Носа», «Портрета», «Шанели», «Игрока», плюсъ собственные домыслы, отсебятинны и догадки. И все это съ чисто хлестаковской развращенностью «стакъ, вдругъ!» Мейерхольдъ назвалъ «Комедіей въ 16 эпизодахъ».

Желая, очевидно, доказать Гоголю, какъ надо было сочинять «сизостоящаго» «Ревизора», Мейерхольдъ центръ интриги перенесъ на городничиху, сдѣлалъ ее распутной уѣздной Мессалиной, флиртующей съ цѣлымъ эскадронномъ офицерами и не гнушающейся даже Осипомъ, не тѣмъ, старымъ, замызганнымъ лакеемъ, какой выведенъ Гоголемъ, а молодымъ ловкимъ парнемъ и великимъ бабникомъ.

Вмѣсто мелкаго ограниченнаго солдафона, малочиннаго чиновника, городничаго захо-лустиваго Миргорода Схлосника-Дмухаловскаго, у Мейерхольда на сценѣ рѣзвится шкарный, обворожительный джентльменъ и обаятельный конногвардеецъ, снятый съ гравюры Феофилакта Толстого.

Хлестаковъ — малый чинуша, «пустышкой малый», другъ и пріятель Тряпичкина, — по волю Мейерхольда, — блестящій денди въ николаевской военной шинели съ бобрами и киверомъ на головѣ, гофманскій загадочный персонажъ, личность съ весьма глубокомысленной наружностью и съ рѣзко философскимъ уклономъ ума, что, однако, не мѣшаетъ ему дѣлать на сценѣ неприличныя гадости, которыя и не передаю, чтобы не оскорбить стыдливости моихъ наборщиковъ. При Хлестаковѣ всегда присутствуетъ его «двойникъ», въ лицѣ какого-то, не выведеннаго Гоголемъ капитана съ на-

Гоголь въ своей усадьбѣ Васильевкѣ. Съ картины Валкова.

ружностью Роберта-Дельвола и вѣчно пьянаго. Такъ сказать «развощенный» Хлестаковъ!

Добчинскій и Бобчинскій — живчики и полускоморохи, страдающіе недержаніемъ словъ, — у Мейерхольда — мрачные злодѣи изъ кино, медлительные въ рѣчи, побивающіе рекорды медлительности дьякона, провозглашающаго «во блаженномъ уснеіи»...

Почтмейстеръ — франтъ и ухажеръ у Гоголя — дряхлый, отвратный старикъ съ красивымъ носомъ у Мейерхольда.

Вмѣсто знаменитой нѣмой сцены въ финалѣ — бѣшеный карнавалъ въ арительномъ залѣ и какая-то пломадка на сценѣ, утыканная восковыми свѣчами и на ней «устрашающія» восковыя фигуры, изображающія неизвѣстно что, а вмѣсто жандарма — большая лента на сценѣ съ соответствующей надписью.

Словомъ, сплошная, неуклюжая отсебятинна со смѣшеніемъ всевозможныхъ стилей (народный фарсъ, пантомима, эксцентрическая клоунада, пародія и пр.).

Въ результатѣ, гениальная комедія высокаго полета и глубочайшаго содержания была спижена до уровня дешеваго фарса или безобидной салонной пьесы разговорнаго жанра, что на языкѣ Кугеля называется «ревиизіей» «Ревизора».

Вполнѣ понятно поэтому, что хранители «истинныхъ революціонныхъ традицій» въ лицѣ непрізнанныхъ Бѣлинскихъ изъ критическихъ чрезвычайки, остались недовольны очередной странней Мейерхольда. Ихъ можно не любить, этихъ неудавшихся Бѣлинскихъ, но они во всякомъ случаѣ много честнѣе примазавшихся къ хвосту Луначарскаго Кугелей.

«Ревизоръ» — это очковитрательство и разслабленіе нашего послѣ-октябрьскаго искусства — говорятъ одни... «Безполезная ненужность, театральное никуда...» — вторятъ другіе. «Халтурничекъ» — возмущаются третьи. «Олеографическая стѣнная газета на сценѣ, ставка на плевки, на матюги, на чистое трюкачество...» — бѣспуются четвертые.

— Вы говорите, — возмущается какой-то Н. Чужакъ, — что Мейерхольдъ вывелъ «Ревизора» на улицу! — Подите вы къ чорту, господа хорошие, съ вашей улицей. Куда тамъ на улицу съ пьесой, въ которой т. н. «конструктивность» изъ чистѣйшей корельской березы, настоящаго краснаго дерева, настоящей бронзы, съ восковыми фигурами, безконечно дороже и сложнѣе старой честной декорацин, а для показанія всѣхъ туалетовъ городничихи, стоящихъ нѣсколько тысячъ рублей, пришлось сочинить шесть ненужныхъ картинъ...»

«За что кровушку-то проливали? За что боролись?» — зло издѣвается Н. Чужакъ и надъ Мейерхольдомъ, и надъ Луначарскимъ съ Кугелемъ.

Бѣдный Николай Васильевичъ! Стоило быть гениемъ, чтобы кака-нибудь «свинья въ ермоликѣ» лишила гевія правъ автора, а Кувшиннаго Рыла и Ноздревы «сіе одобрили».

Ник. Бережанскій.